

Протоиерей Константин Костромин

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ЭСТОНЦЕВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Сегодня Эстония относится к числу наименее религиозно активных стран Европы. Цель статьи — найти корни низкой религиозности эстонцев, исходя из уровня религиозности эстонской диаспоры Петербурга конца XIX — начала XX в. Для этого рассмотрена историография оценки численности выходцев из Эстляндии в Петербурге в конце XIX в., а также численности православных эстонцев. Обращает на себя внимание мнение по этому поводу священника православного эстонского прихода столицы Павла Кульбуша, который намеренно завышал эти цифры, однако коррекция приводимых им данных приводит к числам большим, нежели это принято в историографии. Удивляет, что руководство города не контролировало процесс иммиграции в Петербург инородцев, а также не имело сведений об этом, чему подтверждением является приведенное дело из фонда канцелярии градоначальника Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга о численности православных эстонцев, возбужденное благодаря обращению отца Павла к градоначальнику с прошением помочь определить потенциальный круг прихожан новосозданного эстонского прихода. Низкий уровень религиозности, как показано в статье, свойственный эстонцам и более столетия назад, компенсировался появлением большого числа общественных объединений, носивших секулярный характер.

Ключевые слова: Эстония, священномученик Платон Ревельский, священник Павел Кульбуш, Санкт-Петербург, история Русской Церкви, православие, Петербургская епархия, религиозность, атеизм, демография, общественные организации.

Сегодня Эстония относится к числу наименее религиозно активных стран Европы [Спутник]. Такое положение дел едва ли можно объяснить исключительно воздействием советской атеистической пропаганды, которая не добилась подобных результатов даже там, где действовала сильнее и дольше, в том числе — в других странах Прибалтики. Такое умозаключение заставляет искать корни современного кризиса религиозности в более далеком прошлом. Вероятно, причину нужно искать в религиозных конфликтах, однако собственно эстонская этническая история таких конфликтов не знает. Чтобы выявить причины отмеченного явления, следует проводить детальный анализ всех касающихся эстонского населения событий и характеристик, которые содержат крупницы информации, полезной для исследования этно-религиозной ситуации в Эстонии как сегодня, так и в XX в. Одним из таких, на наш взгляд, богатых по содержанию явлений может служить эстонская диаспора в столице Российской империи. Положение столичного города, территориальная близость к Эстляндии, европейская культура и средоточие научной и общественной мысли предопределили Санкт-Петербург к тому, чтобы живущая в нем эстонская диаспора отличалась численностью и активностью.

Оценки численности этой самой диаспоры в науке разнятся. В одной из первых публикаций, посвященных православному русско-эстонскому храму Петербурга, численность эстонцев в Петербурге и в целом в губернии на начало 1890-х гг. оценивалась в 37 000 человек [Чижов, Алексеев, 1989, 133]. Правда, ссылок в статье протоиерея

Протоиерей Константин Александрович Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии (k.a.kostromin@mail.ru).

Андрея Чижова и А. А. Алексеева мало (в данном случае они отсутствуют), но откуда взяты эти данные, ясно — из статьи свящ. Павла Кульбуша (см. ниже). В. И. Мусаев, специально изучавший данный вопрос, ссылаясь на научные публикации 1970-х гг., приводит цифру в 20 000 человек к началу XX в., отмечая, что прирост эстонского населения столицы в 1890-е составлял в среднем 800 человек в год, в то время как до конца 1870-х диаспора росла медленно и едва ли насчитывала на 1880 г. более 5 500 человек. Т. е. к 1890 г. она должна была составлять едва ли более 9 000 человек, а к 1900-му — 17 000 [Мусаев, 2009, 37]. Данные же переписи населения 1890 и 1900 гг. дают заметно иные цифры — 7 431 и 13 401 человек в городе (соответственно) и 195 и 2043 человека в пригородах (соответственно) (Перепись 1890, 53; Перепись 1900, 53). Приведенные данные свидетельствуют о нескольких процессах — о несомненном притоке эстонского населения в Петербург, об отсутствии внятного контроля над этим процессом, о неточности сбора сведений как во время переписи, так и вообще властями, о постоянной ротации эстонского населения (постоянно приезжающего и вскоре уезжающего обратно), что не давало эстонцам оснований записывать себя во время переписи в Петербурге. Эти же данные видны и из конфессиональных сведений (прежде всего — подтверждения в лютеранской эстонской кирхе св. Иоанна на Офицерской (ныне — Декабристов) улице) [Мусаев, 2009, 39–40]. Цифра в 12 200 человек, показанная на всероссийской переписи в 1897 году, указывающая на численность эстонцев в Петербурге, хорошо соотносится с данными о численности всего населения Эстляндской губернии по этой переписи — около 412 000 человек. Из сопоставления этих цифр можно отметить, что в одной только столице постоянно проживало около 3% населения Эстляндии [Мусаев, 2018, 78–79]. Если же учесть значительное число русских и немцев — жителей Эстляндии, то процент этот будет значительно выше.

Приведенные цифры неточны не только потому, что городские власти не озаботились получить точные сведения о численности иммигрантов (что само по себе немаловажно), но и потому, что самоопределение «эст» при переписи означало некоторое сужение выборки. Предполагалось, что эстами должны были назвать себя именно эстоноговорящие жители Петербурга. Более того, участие в переписи было добровольным, т. е. не желавшие показывать свое присутствие в Петербурге могли проигнорировать перепись. Тем не менее, активные эстонцы проявляли свое присутствие не только тем, что работали на петербургских заводах или служили в армейских частях, но и тем, что ходили молиться. Цифры, сохраненные переписью, представляются малоубедительными — необходимо их каким-то образом верифицировать. Так, согласно тем же переписям, на 1890 и 1900 гг. эстонцев-лютеран было 7111 и 12529 соответственно, а православных — 302 и 825 соответственно (Перепись 1890, 78–79; Перепись 1900, 152–153).

Такие попытки верификации этих цифр сделал еще в 1890-х гг. священник православного эстонского прихода Санкт-Петербурга священник Павел Кульбуш, впоследствии — священномученик Платон, епископ Ревельский [Костромин, 2019b]. В своей статье «На заре новой жизни православных эстонцев» он, пользуясь сведениями из той самой переписи, обращал внимание на неточность этих сведений. Приведем выдержку из его статьи: «По газетным известиям в последнее время здесь насчитывается эстонцев до 37 тысяч, из которых на уезд приходится до 21 тысячи, на столицу около 16 тысяч» (Кульбуш, 1895, 102). Наиболее важна сноска, поясняющая появление данных цифр: «По переписи г. С.-Петербурга 15 декабря 1890 г. эстонцев значится в столице всего 7431 чел. (Отд. I, стр. 53; Табл. распределения насел. по родн. языку), что едва ли верно, так как одна лютеранская кирка эстонская знает своих прихожан *поименно* более 11 тысяч. Разница объяснима только тем, что, вероятно, многие эстонцы, знающие рус. или нем. яз., показали себя или русскими, или немцами» (Кульбуш, 1895, 102). Отец Павел Кульбуш обращал внимание не только на неточность переписи и, следовательно, заниженное число эстонцев, проживавших в столице, но и на то, что психологически им было проще в Петербурге официально числиться русскими или немцами, а в неофициальной обстановке — чувствовать себя эстонцами,

т. е. удовлетворять потребность пользоваться родным языком в условиях жизни в столице, где численность русского населения была подавляющей.

Отец Павел обратил внимание и на вероисповедный признак. «Все выселенцы эстонцы в Петербурге по вероисповеданию делятся на православных и лютеран. Процентное отношение тех и других в столице, можно полагать, то же, что и в Прибалтийском крае, т. е. на общее число народонаселения приходится около $\frac{1}{4}$ православных, прочие же лютеране» (Кульбуш, 1895, 102). В этом вопросе его мнение резко отлично от картины, показанной переписью. Согласно переписи получалось, что на 1890 г. насчитывалось немногим более 4% православных эстонцев на фоне числа эстонцев-лютеран и около 6,5% на 1900 г. Если же обратиться к данным переписи по Эстляндии, то и там этот процент был невысоким — 9,16% православных на 1897 г. [Мусаев, 2018, 78] (сам отец Павел это знал и в 1900 г. уже своего знания не скрывал (Кульбуш, 1900, 66–73)). Т. е. либо отец Павел превратно представлял себе положение дел, либо имел сведения откуда-то, кроме данных переписи. Конечно, можно думать, что завышенные цифры — и общей численности, и численности православных эстонцев — были нужны ему для того, чтобы оправдать появление эстонского прихода и, в дальнейшем, необходимость постройки в центре Петербурга храма для него, однако списывать его «необъективность» к заинтересованности едва ли верно.

Прежде всего вызывает вопросы цифра в 11 000 поименных списков прихожан Иоаннис-кирхе. Несомненно, отец Павел побывал в ней, когда создавался независимый петербургский православный эстонский приход. Впоследствии историки насчитают количество прихожан его храма в 2453 человека [Чижов, Алексеев, 1989, 139]. Конечно, формальный список не будет отражать реальной картины дела и реальное количество прихожан едва ли будет превышать вместимость храма (формально 720 человек, на практике — около 300–350). Однако вопрос нужно поставить иначе — какое количество активных прихожан могло бы свидетельствовать о его реальном числе? На прошении митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Палладию стоит 49 подписей эстонцев. Почерк у них разный, однако сделаны они аккуратно (т. е. людьми, хорошо умеющими писать) и по-русски (в то время как часть эстонцев могла писать только на эстонском языке) (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 86. Д. 33. Л. 1 об. — 2 об.). С учетом того, что большинство петербургских эстонцев были выходцами из эстонских сел (Кульбуш, 1895, 102–108; Мусаев, 2009, 39), подписавшиеся не могли составлять и десятой доли всех православных эстонцев Петербурга, т. е. данные переписи действительно дают заниженную картину. Таким образом, очень приблизительно, данные переписи нужно корректировать в сторону увеличения численности эстонского населения столицы, однако, конечно, до цифр, представленных настоятелем эстонского прихода, они далеки.

Степень пугливости эстонцев в Петербурге, с одной стороны, и степень заинтересованности получить сведения об их реальной численности в столице городскими властями, с другой стороны, позволяет оценить хранящееся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга дело, касающееся запроса, сделанного священником Павлом Кульбушем о числе православных эстонцев Петербурга. Еще осенью 1894 г., вскоре после учреждения эстонского прихода в Михаило-Архангельском храме Петербургской Коломны [Костромин, 2009], отец Павел отправил запрос в духовную консисторию, чтобы она помогла ему найти сведения о потенциальных прихожанах эстонского прихода (в тот момент о выписывании в приход эстонцев, приписанных к иным храмам, речи не шло). Санкт-Петербургская духовная консистория 12 октября отправила запрос в канцелярию градоначальника с просьбой прислать «сведения о числе православных эстонцев, как постоянно, так и временно проживающих в Санкт-Петербурге», получив 15 октября ответ, что таких сведений у полиции не имеется (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 2, 3).

16 января 1895 г. соответствующее прошение подал градоначальнику В. В. фон Вайлю сам отец Павел Кульбуш. «Определением Св. Синода в декабре месяце

минувшего года в Санкт-Петербурге открыт самостоятельный эстонский приход с назначением к нему особого причта. В настоящее время предстоит необходимость составить приходский список, в который, по возможности, должны будут войти все проживающие в Санкт-Петербурге православные эстонцы. Не имея иных средств к составлению именного списка, осмеливаюсь почтительнейше обратиться к Вашему превосходительству с просьбой оказать содействие в этом деле. Не найдется ли возможность из всех частей Санкт-Петербурга выдать или лично мне, или псаломщику моему К. Кикаену списки записавшихся там православных эстонцев? В случае, если приготовление списков затруднит полицию, прошу разрешения на предоставление в наше распоряжение материала, необходимого для составления требуемых списков. Ответы желательны на следующие вопросы: 1) имя, отчество, фамилия, лета. 2) семейное положение (холост или женат, если есть здесь семья, то обозначить). 3) откуда родом и когда прибыл. 4) занятие. 5) адрес». Невозможность иными средствами наполнить приход, кроме как обратиться за помощью к властям, показательна. Не только общее количество эстонцев было неизвестно, но и даже эстонцы, проявившие инициативу в создании прихода в 1894 г., были настолько разобщены, что сами не могли организовать. Любопытна также наложенная на прошение резолюция: «Приведение в известность православных эстонцев для полиции не только обременительно, но в некоторых случаях и невозможно. Содействие полиции может состоять в раздаче всем проживающим в участках эстонцам объявлений об открытии прихода, если таковые будут присланы от настоятеля» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 4). Этой резолюцией власть признавалась, что вопрос иммиграции не находится под контролем, о нем даже нет никаких иных сведений, кроме данных переписи. Впрочем, полиция осознавала свое бессилие.

Получив, таким образом, отказ, священник Павел Кульбуш не растерялся. 4 августа 1895 г. он снова подал губернатору прошение. Частично пересказав свое прошлое прошение и частично процитировав прошлую резолюцию, отец Павел попросил разрешения раздать через полицию уведомления об открытии эстонского прихода: «С разрешения Санкт-Петербургской духовной консистории честь имею представить при сем 1000 экземпляров печатного извещения об открытии в Санкт-Петербурге православного эстонского прихода, с покорной просьбой поступить с ними согласно предложению Г. Градоначальника, т. е. раздать проживающим с Санкт-Петербурге православным эстонцам. К сему имею честь присовокупить, что по имеющимся у меня сведениям наибольшее число эстонцев живет в Коломенской и Нарвской частях, а также и в Галерной гавани, хотя живут они и по всем другим участкам. При раздаче или распространении известия об открытии прихода могу рекомендовать иметь в виду лиц, прибывающих из Лифляндской и Эстляндской губерний» (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 8–8 об.). Указывая на преимущественное расселение эстонцев в Коломне, у Нарвских ворот и на Васильевском острове, священник Павел Кульбуш ссылаясь, по сути, на данные переписи 1890 г., где указывалось, что в Коломне проживало 1005 человек, у Нарвских ворот — 1010 и в Васильевской части — 991. Более 600 эстонцев показали себя жителями Выборгской стороны, Петровского (Петербургского) острова, Литейной части, а также центра города, у Казанского собора (Перепись 1890, 53). Отец Павел надеялся, что полиция сможет раздать листовки жителям этих населенных районов и они начнут, ради эстонского богослужения, посещать Коломну, поскольку приход временно (по крайней мере, на это рассчитывал отец Павел и, очевидно, причт Михаило-Архангельской церкви) расположился в Коломенском храме.

Текст листовки был следующим: «Указом Св. Синода от 31 декабря 1894 № 5798 в Санкт-Петербурге открыт самостоятельный эстонский приход. На приход назначен причт из священника и псаломщика с определенным содержанием от казны. Выданы и все церковно-приходские книги с разрешением иметь свою печать, каковая уже и изготовлена. До построения своего храма богослужения будут совершаться в Михаило-Архангельской церкви в Коломенской части, в нижнем этаже церкви.

Накануне всех воскресных и праздничных дней совершаются всенощные в 6 часов вечера и в сами воскресенья и праздники Литургии в 10 часов утра. За богослужениями поет хор эстонцев: участниками его могут быть все желающие — мужчины и женщины. Священник исправляет и все требы для православных эстонцев: крестит, венчает и проч. В настоящее время главной заботой прихода является построение своего храма и ведутся хлопоты по приобретению плаца для этого. Открыт и сбор пожертвований на постройку храма. Шнуровая книга для записи пожертвований находится у настоятеля прихода священника Павла Кульбуша, и всякое пожертвование, от кого бы то ни было, принимается с благодарностью, как бы малы они ни были. Адрес священника Павла Кульбуша: Серпуховская ул., дом 9, квартира 14. По указу Санкт-Петербургской духовной консистории от 18 января с. г. за № 225 теперь составляется список всех проживающих в Петербурге православных эстонцев, и настоящее извещение, согласно указу консистории от 19 апреля за № 91465 рассылается для того, чтобы известить православных эстонцев об открытии прихода и пригласить их в возможно скором времени записаться в список. Запись совершается за каждым эстонским богослужением в церкви Михаила Архангела членами причта, а равно и во всякое время на квартире как священника, так и псаломщика К. Кикаена. СПб, 15 мая 1895 г. свящ. Павел Кульбуш». С обратной стороны текст был продублирован на эстонском языке (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 10–10 об.). Объявления были доставлены в полицейские участки и розданы приставам (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 8, 9).

Однако идею священника Павла Кульбуша ждало полное фиаско. На Л. 13–14 об. сохранилась ведомость, по сколько экземпляров листовки получило каждое полицейское отделение. А далее — отчеты некоторых околоточных о раздаче листовок. Пристав Казанской части сообщил, что нашел одного православного эстонца и вручил ему извещение, а остальные возвращает за ненадобностью (получил 45 штук) (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 13, 51). Пристав Васильевской части сообщил, что выдал под расписку две листовки (получил 95 штук) (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 14, 67). Полиция Казанской части обнаружила двух православных эстонцев (получили 45 штук) (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 13, 171). Околоточные Лесной, Новой и Старой Деревни, Адмиралтейской, Литейной (по шести околоточным участкам) православных эстонцев не нашли (в одну только Литейную часть было выдано 140 штук) (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 14, 69, 70, 81 об., 82, 96–101). Здесь же в деле находятся 129 листовок, возвращенных аккуратными приставами (ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 10–12, 16–35, 40–50, 56–66, 71–80, 83–92, 102–134, 136–153, 158–170).

Полиция не смогла найти эстонцев в Петербурге. Отчасти причиной могла быть лень и необязательность полиции, отсутствие ее собственного интереса в этом деле (хотя аккуратно отчитавшиеся части хотя бы сделали вид, что постарались). Отчасти бессилие полиции можно объяснить именно разобщенностью эстонцев и отсутствием какой-либо общественной активности. Пессимизм губернатора оказался оправдан. Именно поэтому ответ на запрос Духовной консистории был таким категоричным: «сведений о числе православных эстонцев, проживающих в С.-Петербурге, в полиции не имеется» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 86. Д. 33. Л. 5).

Попытка наладить религиозную жизнь эстонцев, еще не посещающих регулярно кирху, т. е. изначально или потенциально православных, оказалась трудной не только в силу инертности властей или самого эстонского населения. По сути, новые церковные структуры вступили в конкуренцию с целым рядом уже созданных общественных организаций, ориентированных на помощь или объединение эстонцев, проживавших в столице. Эстонских общественных организаций в столице в конце XIX — начале XX в. было не менее 30. Не менее 10 из них были заняты социальной деятельностью, которой только собирались заняться на православном эстонском приходе. В Санкт-Петербурге на начало XX в. только в сфере народного просвещения действовали Санкт-Петербургское эстонское общество взаимной помощи ремесленников (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10714), содержавшее школу (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10714, 11129), Эстонское женское благотворительное общество

с общеобразовательными курсами (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11130), Санкт-Петербургское эстонское общество образования и призрения сирот (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14183^А; Ф. 287. Оп. 1. Д. 406), Санкт-Петербургское общество убежища и училища для малолетних детей эстонского происхождения (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17472), Эстонское общество вспомоществования учащихся в высших учебных заведениях (ЦГИА СПб. Ф. 492) и Эстонское общество образования (с курсами Эхлетберга). Попечение о бедных эстонцах оказывали уже упомянутое Санкт-Петербургское эстонское общество взаимной помощи ремесленников и Санкт-Петербургское эстонское ссудо-сберегательное товарищество (ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1058). Главным рупором просвещения была газета «Петербург–Театая», издавалось и несколько других газет (ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 6. Д. 22; Ф. 253 (газеты)) [Мелдре, Реймо, 2016, 125]. Санкт-Петербургское эстонское общественное собрание было большой разветвленной организацией, активно действовавшей в Петербурге и окрестностях (ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 3. Д. 4717; Ф. 254. Оп. 1. 9639; Ф. 1648. Оп. 1. Д. 805). Существовало и Эстонское общество образования, имевшее к началу XX в. как минимум 8 филиалов в разных населенных пунктах от Озерков и Лигово (тогда – предместий Петербурга) до Нарвы, Ямбурга и Луги (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 18201; Ф. 256). Целый ряд подобных обществ возник в Пскове, Гдове, Гатчине, Нарве, Ямбурге (ныне – Кингисепе), Зимитицах, Зарицах, Дубицах и других населенных пунктах Санкт-Петербургской губернии (См. ЦГИА СПб. Ф. 139; Ф. 479. Оп. 22; Ф. 569. Оп. 13; и Ф. 254 (общества)). Здесь можно встретить различные эстонские общества трезвости, несколько лютеранских обществ (хотя их было сравнительно мало), благотворительные и иные общества – общество взаимной помощи при пожарах, эстонский драматический кружок, эстонское общество велосипедистов, эстонское купеческое общество, эстонское общество молодых людей. Все они занимали и объединяли эстонцев [Костромин, 2018а, 71–74].

Можно обратить внимание, насколько секулярной оказалась эстонская среда, пребиравшаяся из Эстляндии в Петербург. Конечно, создать приход священнику Павлу Кульбушу удалось, причем приход очень жизнеспособный и активный, хотя и в целом безденежный. Удалось на базе прихода создать братство, социальные инициативы которого на общем фоне оказались весьма значительными [Костромин, 2018b]. Удалось создать благочиние эстонских приходов Петербургской епархии, причем весьма удачное [Костромин, 2019а]. Однако не по причине ли ориентации эстонского населения на секулярную модель развития в начальный этап существования Эстонии в качестве германского или советского сателлита в нем оказались возможны зверства в отношении священнослужителей, какие еще были практически неизвестны в советской России [Костромин, 2017; Кумыш, 2003, 6–22, 77–126]?

Источники и литература

Источники

1. ЦГИА СПб – Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 86. Д. 33; Ф. 139. Оп. 1. Д. 10714; Ф. 139. Оп. 1. Д. 11129; Ф. 139. Оп. 1. Д. 11130; Ф. 139. Оп. 1. Д. 14183^А; Ф. 139. Оп. 1. Д. 17472; Ф. 139. Оп. 1. Д. 18201; Ф. 224. Оп. 3. Д. 4717; Ф. 225. Оп. 6. Д. 22; Ф. 253; Ф. 254. Оп. 1. 9639; Ф. 256; Ф. 287. Оп. 1. Д. 406; Ф. 479. Оп. 22; Ф. 492; Ф. 515. Оп. 1. Д. 1058; Ф. 569. Оп. 3. Д. 60; Ф. 569. Оп. 13; Ф. 1648. Оп. 1. Д. 805.

2. Кульбуш (1895) – *Кульбуш П., свящ.* На заре новой жизни православных эстонцев // Санкт-Петербургский Духовный вестник. 1895. № 5. С. 102–108.

3. Кульбуш (1900) – *Кульбуш П., свящ.* Православие и православные эстонцы в Прибалтийском крае и в столице // Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1898–9 год. СПб., 1900. С. 66–73.

4. Перепись 1890 — С.-Петербург по переписи населения 15 декабря 1890 г. СПб., 1891. Ч. 1. Вып. 1.

5. Перепись 1900 — С.-Петербург по переписи населения 15 декабря 1900 г. СПб., 1903. Вып. 1.

Литература

6. Костромин (2009) — *Костромин К. А.* Свято-Исидоровская церковь сегодня и сто лет назад // Коломенские чтения — 2008. Альманах № 3 / Под ред. В. В. Антонова. СПб.: Арденн, 2009. С. 51–66.

7. Костромин (2017) — *Костромин К., прот.* Священномученик Платон, епископ Ревельский: проблема сохранения православия на постимперской территории // Богословский вестник. Научно-богословский журнал. 2017. № 26–27. Вып. 3–4. Сергиев Посад, 2017. С. 179–195.

8. Костромин (2018a) — *Костромин К., прот.* Братство при приходе или приход при братстве? К истории русско-эстонского Православного братства во имя священномученика Исидора Юрьевского в Петербурге // Свет Христов просвещает всех. Альманах Свято-Филаретовского института. Вып. 27. Лето 2018. М., 2018. С. 65–79.

9. Костромин (2018b) — *Костромин К., прот.* Русско-эстонское православное братство во имя священномученика Исидора Юрьевского в Петербурге // Православные братства в истории России: к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: сборник научных трудов: в 2-х ч. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2018. Ч. 2. С. 21–35.

10. Костромин (2019a) — *Костромин К., прот.* Священномученик Платон, епископ Ревельский — протоиерей Павел Кульбуш как благочинный эстонских приходов Петербургской (Петроградской) епархии (к 100-летию мученической кончины) // Церковь. Богословие. История. Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.). Екатеринбург: ЕДС, 2019. С. 73–79.

11. Костромин (2019b) — *Костромин К., прот.* Особенности эстонского православного самосознания в начале XX века (к 100-летию мученического подвига священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского) // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 180–190.

12. Кумыш (2003) — *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Сатись, Держава, 2003.

13. Мелдре, Реймо (2016) — *Мелдре А., Реймо Т.* Издательская деятельность эстонцев в Санкт-Петербурге до Второй мировой войны // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2016. Т. 213. С. 124–133.

14. Мусаев (2009) — *Мусаев В. И.* Эстонская диаспора на северо-западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. СПб.: Нестор, 2009.

15. Мусаев (2018) — *Мусаев В. И.* Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018.

16. Спутник — Спутник: Верю-не верю: Эстония — одна из самых атеистических стран Европы. URL: <https://ee.sputniknews.ru/society/20170430/5569166/Verju-ne-verju-Jestonija-odna-iz-samyh-ateisticheskikh-stran-Evropy.html> (дата обращения: 10.04.2019).

17. Чижов, Алексеев (1989) — *Чижов А, диак., Алексеев А. А.* Русско-эстонский Исидоровский приход в Петербурге–Петрограде–Ленинграде // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989. С. 133–142.

Archpriest Konstantin Kostromin. Religiosity of the Orthodox Estonians of St. Petersburg at the Turn of the 19th – 20th Centuries.

Abstract: Today, Estonia belongs to the least religiously active countries in Europe. The purpose of the article is to find the roots of the low religiosity of Estonians, based on

the level of religiosity of the Estonian diaspora in St. Petersburg in the late 19th and early 20th centuries. The historiography of estimating the number of people from Estonia in St. Petersburg at the end of the 19th century is considered, as well as the number of Orthodox Estonians. The opinion of the priest of the Estonian Orthodox parish in the capital, Pavel Kulbush, who deliberately overestimated these figures, draws attention to himself, but the correction of the data leads to numbers more than is customary in historiography. It is surprising that the city administration did not control the process of immigration of foreigners to St. Petersburg, and also did not have information about this, which is confirmed by the documents from the governor office in the Central State Historical Archive of St. Petersburg about the number of Orthodox Estonians, initiated by the appeal of priest Pavel to the governor with a request to help determine the potential circle of parishioners of the newly established Estonian parish. The low level of religiosity, as shown in the article, peculiar to Estonians and more than a century ago, was compensated by the appearance of a large number of public associations that were secular in nature.

Keywords: Estonia, Holy Martyr Platon Revelsky, priest Pavel Kulbush, St. Petersburg, History of the Russian Church, Orthodoxy, St. Petersburg Diocese, Religiousness, Atheism, Demography, Public Organizations.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Associate Professor at the Department of Church History, Vice-rector for Theological Researches at St. Petersburg Theological Academy (k.a.kostromin@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. TsGIA SPb — Tsentralny Gosudarstvenny Istoricheskiy Arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of Saint Petersburg]. Fund 19. Aids 86. Fol. 33; Fund 139. Aids 1. Fol. 10714; Fund 139. Aids 1. Fol. 11129; Fund 139. Aids 1. Fol. 11130; Fund 139. Aids 1. Fol. 14183A; Fund 139. Aids 1. Fol. 17472; Fund 139. Aids 1. Fol. 18201; Fund 224. Aids 3. Fol. 4717; Fund 225. Aids 6. Fol. 22; Fund 253; Fund 254. Aids 1. 9639; Fund 256; Fund 287. Aids 1. Fol. 406; Fund 479. Aids 22; Fund 492; Fund 515. Aids 1. Fol. 1058; Fund 569. Aids 3. Fol. 60; Fund F. 569. Aids 13; Fund 1648. Aids 1. Fol. 805. (In Russian).

2. Kul'bush (1900) — Kul'bush P., priest. Pravoslaviye i pravoslavnyye estontsy v Pribaltiyskom kraye i v stolitse [Orthodoxy and Orthodox Estonians in the Baltic region and in the capital]. *Sankt-Peterburgskoye pravoslavnoye estonskoye bratstvo vo imya svyashchennomuchenika Isidora Jur'evskogo. Otchet o deyatelnosti bratstva za 1898–9 god* [St. Petersburg Orthodox Estonian brotherhood in the name of the martyr Isidor Yuryevsky. Report on the activities of the brotherhood for the years 1898–9]. Saint Petersburg, 1900, pp. 66–73. (In Russian).

3. Kul'bush (1895) — Kul'bush P., priest. Na zare novoy zhizni pravoslavnykh estontsev [At the dawn of the Orthodox Estonians new life]. *Sankt-Peterburgskiy Duhovnyy vestnik*, 1895, no. 5, pp. 102–108. (In Russian).

4. Perepis' (1890) — *S.-Peterburg po perepisi naseleniya 15 dekabrya 1890 g.* [St. Petersburg at the census of December 15, 1890]. Saint Petersburg, 1891, part 1, vol. 1. (In Russian).

5. Perepis' (1900) — *S.-Peterburg po perepisi naseleniya 15 dekabrya 1900 g.* [St. Petersburg at the census of December 15, 1900]. Saint Petersburg, 1903, vol. 1. (In Russian).

References

6. Chizhov, Alekseev (1989) — Chizhov A., Alekseev A. A. Russko-estonskiy Isidorovskiy prikhod v Peterburge–Petrograde–Leningrade [Russian-Estonian Isidorovsky parish in St.

Petersburg – Petrograd – Leningrad]. *Iz istorii pravoslaviya k severu i zapadu ot Velikogo Novgoroda* [From the history of Orthodoxy to the north and west of Veliky Novgorod]. Leningrad, 1989, pp. 133–142. (In Russian).

7. Kostromin (2017) — Kostromin K., archpriest. Svyashchennomuchenik Platon, episkop Revel'skiy: problema sokhraneniya pravoslaviya na postimperskoy territorii [Martyr Platon, Bishop of Revel: The Problem of Preserving Orthodoxy in the Post-Imperial Territory]. *Bogoslovskiy vestnik*, 2017, no 26–27, vol. 3–4, Sergiyev Posad, 2017, pp. 179–195. (In Russian).

8. Kostromin (2018a) — Kostromin K., archpriest. Bratstvo pri prikhode ili prikhod pri bratstve? K istorii russko-estonskogo Pravoslavnogo bratstva vo imya svyashchennomuchenika Isidora Jur'evskogo v Peterburge [Brotherhood at the parish or parish at the brotherhood? On the history of the Russian-Estonian Orthodox fraternity in the name of the holy martyr Isidor Yuryevsky in St. Petersburg]. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh. Al'manakh Svyato-Filaretovskogo instituta*, 2018, vol. 27, pp. 65–79. (In Russian).

9. Kostromin (2018b) — Kostromin K., archpriest. Russko-estonskoye pravoslavnoye bratstvo vo imya svyashchennomuchenika Isidora Jur'evskogo v Peterburge [Russian-Estonian Orthodox brotherhood in the name of the martyr Isidor Yuryevsky in St. Petersburg]. *Pravoslavnye bratstva v istorii Rossii: k 100-letiyu vozzvaniya patriarkha Tikhona ob obrazovanii dukhovnykh soyuzov: sbornik nauchnykh trudov* [Orthodox brotherhoods in the history of Russia: the 100th anniversary of the appeal of Patriarch Tikhon on the formation of spiritual unions: collection of scientific papers]. Moscow: Preobrazhenie, 2018, part 2, pp. 21–35. (In Russian).

10. Kostromin (2019a) — Kostromin K., archpriest. Svyashchennomuchenik Platon, episkop Revelskiy — protoiyerey Pavel Kuly'bush kak blagochinnyy estonskikh prikhodov Peterburgskoy (Petrogradskoy) eparkhii (k 100-letiyu muchenicheskoy konchiny) [Martyr Platon, Bishop of Revel — Archpriest Pavel Kulbush as the Provost of the Estonian parishes in the Petersburg (Petrograd) Diocese (on the 100th anniversary of the martyr's death)]. *Tserkov'. Bogosloviye. Istoriya. Materialy VII vs Rossiyskoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii* [Church. Theology. History. Proceedings of the 7th All-Russian Scientific Theological Conference]. Ekaterinburg, 2019, pp. 73–79. (In Russian).

11. Kostromin (2019b) — Kostromin K., archpriest. Osobennosti estonskogo pravoslavnogo samosoznaniya v nachale 20 veka (k 100-letiyu muchenicheskogo podviga svyashchennomuchenika Platona (Kul'busha), episkopa Revelskogo) [Features of the Estonian Orthodox self-consciousness in the early 20 century (to the 100th anniversary of the martyrdom Platon (Kulbush), Bishop of Revel)]. *Khristianskoye Chteniyе*, 2019, no. 1, pp. 180–190. (In Russian).

12. Kostromin (2009) — Kostromin K. A. Svyato-Isidorovskaya tserkov' segodnya i sto let nazad [Saint Isidor church today and a hundred years ago]. *Kolomenskiye chteniya — 2008*, Anthology no 3. Ed. by V. Antonov. Saint Petersburg: Ardenn, 2009, pp. 51–66. (In Russian).

13. Meldre, Rejmo (2016) — Meldre A., Rejmo T. Izdatel'skaya dejatel'nost' estontsev v Sankt-Peterburge do Vtoroy mirovoy voyny [Estonian publishing activities in St. Petersburg before World War II]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2016, vol. 213, pp. 124–133. (In Russian).

14. Musayev (2009) — Musayev V. I. *Estonskaya diaspora na severo-zapade Rossii vo vtoroy polovine 19 — pervoy polovine 20 v.* [The Estonian diaspora in northwest Russia in the second half of the 19th — the first half of the 20th century]. Saint Petersburg: Nestor, 2009. (In Russian).

15. Musayev (2018) — Musayev V. I. *Pravoslaviye v Pribaltike v 1890–1930-e gg.* [Orthodoxy in the Baltics in the 1890–1930s]. Saint Petersburg: Politekhnikeskiiy universitet Publ., 2018. (In Russian).

16. Nestor (2003) — Nestor (Kumysh), hieromonk. *Novomucheniki Sankt-Peterburgskoy eparkhii* [New Martyrs of St. Petersburg Diocese]. Saint Petersburg: Satis, Derzhava, 2003. (In Russian).

17. Sputnik — Veryu-ne veryu: Estoniya — odna iz samykh ateisticheskikh stran Evropy [I believe, I do not believe: Estonia is one of the most atheistic countries in Europe]. *Sputnik*. Available at: <https://ee.sputniknews.ru/society/20170430/5569166/Verju-ne-verju-Jestonija-odna-iz-samyh-ateisticheskikh-stran-Evropy.html> (accessed: 10.04.2019). (In Russian).